

КАК СБЕРЕЧЬ БУДУЩЕЕ И ЧТО ОТЛИЧАЕТ УТОПИЮ ОТ СТРАТЕГИИ?

«Не утопия ли это – сохранить жизнь на планете? Я так не считаю. Верю, что общественное мнение способно эффективно воздействовать на правительства в нужном направлении. <...> Человек в ответе не только за собственное выживание. Ведь вопрос стоит о спасении всего многообразия жизни, которая и есть высшая ценность. Но единственное живое существо на земном шаре, наделенное даром слова, – Человек. Он, обладающий речью и сознанием, – единственная надежда всей жизни на Земле».

Д.С. Лихачев, «Воспитать в себе гражданина мира»

Трудно сберечь наследие прошлого, но еще труднее сберечь будущее, которое мы можем потерять из-за воистину запредельных рисков, с которыми связано превращение техногенной цивилизации в моноцивилизацию. В результате этой незаметной эволюции из нашего бытия исключается сама возможность сохранения культурного и языкового разнообразия мира, а также выносится приговор всему биоразнообразию мира. Постановка этой проблемы воспринимается многими людьми, в том числе и учеными, всего лишь как алармистский прием для получения инвестиций в исследования. В лучшем случае сама постановка такого вопроса рассматривается как заведомо пессимистический, но маловероятный прогноз, который допускается чисто теоретически «для полноты картины», хотя в действительности масштабы надвигающейся катастрофы не вызывают сомнений, а дефицит времени, необходимого для выработки коллективной стратегии, способной минимизировать риски, с каждым годом становится все острее.

Почему это происходит? Одной из главных причин является вполне объяснимая ограниченность позиции исследователей, не выходящих, как

правило, за узко-дисциплинарные рамки, не говоря уж о барьерах между гуманитарной и естественнонаучной областями знания. Их преодоление по силам очень немногим представителям научного сообщества с поистине энциклопедическим кругозором и «громким именами» в мировой науке, свидетельствующим о том, что за их энциклопедизмом стоит качественно новое знание, а не обычный дилетантизм. Дилетантизм опасен не потому, что люди, страдающие им, распространяют ложные знания, а потому, что он девальвирует и те очевидные истины, которые зачастую вплетены в недостоверные обоснования и потому воспринимаются как лжеучения.

К счастью, иногда и среди гуманитариев, и среди естествоиспытателей встречаются мыслители такого масштаба, который позволяет им быть подлинными учителями и пророками даже «в своем отечестве». Назову только два имени всемирно известных отечественных ученых, которые полностью соответствуют роли пророков от науки – это Д.С. Лихачев, который вывел свои исследования на уровень понимания «экологии культуры», и Н.Н. Моисеев с его всемирно известным обоснованием гипотезы о «ядерной зиме». Их сближает и то обстоятельство, что их видение проблемы оказало заметное позитивное влияние на общую политическую культуру и на вектор поиска приемлемых стратегий международного сотрудничества. С их уходом все ощущают, что степень риска существенно возрастает, когда явно не хватает столь же весомых авторитетов в научном мире, способных повлиять и на массовое сознание, и на выбор политического курса.

Д.С. Лихачев, говоря о будущем цивилизации, прямо указывал на его главного «убийцу», в роли которого выступает, как это ни парадоксально, популярная и плодovitая идея прогресса в ее самом примитивном (а потому и самом популярном) толковании: «Идея прогресса сопутствует истории человечества в ее обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как

жертву, приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего».¹

Н.Н. Моисеев пришел к аналогичному выводу, хотя вся его научная работа основывалась на совершенной иной картине (картинах) мира. В его творчестве явно доминировало проектное мышление, а следовательно, и на идее технического и технологического прогресса. Но новая идея в его сознании почти всегда вырастала до масштабов большой стратегии, зачастую глобальной, с характерными для синтеза стратегий междисциплинарными проникновениями и философскими обобщениями. Он не боялся больших горизонтов, когда идея вырастала до воистину космических масштабов. Поэтому, наверное, ему близка была теория ноосферы, согласно которой человечество вступает в эпоху всемогущества человеческого разума, обретающего способность самому создавать предпосылки, необходимые для обеспечения коэволюции природы и общества, без чего невозможно не только поступательное развитие, но и сохранение жизни.

Идея ноосферы по-разному преломлялась в трудах многих мыслителей – и богословов, и естествоиспытателей, и гуманитариев. Многие современные авторы, изучающие наследие Лихачева, относят его взгляды к разряду модификаций ноосферного учения, хотя это не совсем так, поскольку нет и никогда не было единой доктрины, а существуют совершенно различные, хотя и родственные, концепции. Вместе с тем, сам Лихачев, как известно, связывал свою теорию концептосферы с теорией В.И. Вернадского, а термин «концептосфера» был им введен по аналогии такими концептами, как ноосфера и биосфера. Всемирно известным концепт ноосферы стал благодаря откровенно утопическому и, как подчеркивал Моисеев, сугубо иллюзорному учению Тейяра де Шардена о слиянии наций в единое целое, что автор этой концепции считал предзнаменованием «слиянии человечества с Природой и Богом», а следовательно, и утверждением ноосферы как финала эволюции и истории.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 347.

Совершенно иным содержанием этот же термин наполнил В.И. Вернадский, который еще в начале века (в 1904 году) с трибуны Московского университета говорил о том, что человек превратился в основную геологообразующую силу планеты. А несколько позднее он утверждал, что человеку придется взять всю полноту ответственности не только за судьбы общества, но и биосферы в целом.

Моисеев, который специально останавливался на этой тематике, рассматривал эти и другие учения о ноосфере как великие утопии, во многом разнонаправленные и конкурирующие («финалистские», «алармистские» и «мотивационные»), в которых, тем не менее, содержится зерно истины – признание прав и ответственности Коллективного Интеллекта. Для Моисеева сама идея ноосферы была в высшей степени продуктивной, поскольку содержала в себе высший императив, который должно принять человечество только по одной причине – в силу его безальтернативности, в целях самосохранения перед лицом неизбежной катастрофы.

Для прояснения своей позиции он ввел в научный оборот понятие *экологического императива* как основного гаранта возможности развития без глобальной катастрофы, вероятность которой должна быть сведена к минимуму. Основная трудность современности, по его мнению, в том и заключается, что признание экологического императива в научном и, что не менее важно, в политическом сообществе – это все год лишь маленький шаг на пути к тому, чтобы императив стал действительно абсолютным императивом – безусловным руководством к действию. А для этого потребуются создание новых, по сути, организационных структур в мировом масштабе.

Надо ли говорить, как далека эта идея до воплощения в наше время? По этой причине она нами и воспринимается как абсолютная утопия. Но все дело в том, что у этой утопии нет альтернатив. Вопрос заключается, по словам Моисеева, лишь в том, произойдет ли переворот в организации общества стихийно, «когда переход будет связан с уничтожением значительнейшей части человечества (а может быть, и его полной гибелью) или с реализацией некой

оптимальной СТРАТЕГИИ перехода, разработанной Коллективным Интеллектом».² При этом под Коллективным Интеллектом Моисеев понимал общие знания и владения технологией передачи, накопления и использования информации – всю эту информационную систему, включая технологию принятия решений, которая может возникать только на основе общего понимания цели. По его мнению, «становление Коллективного Интеллекта – это такой же естественный процесс, как и развитие мозга и индивидуального интеллекта».³

Развивая мысль Моисеева, можно сказать, что первым шагом на пути превращения утопии в стратегию и может служить концепция устойчивого развития. Такая мировоззренческая установка предопределила широту научных интересов Моисеева. Его наследие до сих пор в равной степени интересно и математикам, и экологам, и представителям технических наук, и философам. Остановимся только на одной грани его творческого наследия – на его понимании всемирно распространенной концепции устойчивого развития, которую многие воспринимаю как чистую утопию, а другие как единственно верную стратегию. Но для того, чтобы подойти к этой проблеме, потребуется более четко объяснить отношение Моисеева к утопиям и стратегиям, а точнее, к тому, что по традиции мы относим *либо к утопиям, либо к стратегиям*. Обычно мы не находим никакой связи между этими категориями из совершенно разных на первый взгляд миров – мира иллюзорного и мира реального. Но когда речь заходит о проектном мышлении и о научном обеспечении действительно больших и социально значимых междисциплинарных проектов, то все изменяется самым кардинальным образом. И здесь, кстати, мы также видим схожесть его позиций с позицией Лихачева (смотри эпиграф).

Во-первых, именно смелые идеи, которые воспринимаются даже в научном сообществе как чистые утопии, особенно, если они посягают на

² Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.

³ Там же. С. 136.

базовые парадигмы и традиционное видение, оказываются наиболее продуктивными при выборе стратегий.

Во-вторых, никому не дано знать, какой из масштабных проектов, претендующих на то, чтобы изменить мир, является утопией, а какой несет в себе реальную стратегию: слишком велико число факторов – и субъективных, и объективных, из которых складывается в конечном итоге успех или поражение.

В-третьих, даже вполне успешно реализованный проект не является доказательством того, что он не утопичен. К примеру, потребовалось столетие для того, чтобы великий и явно небезуспешный проект строительства общества без эксплуатации и эксплуататоров, да еще и в отдельно взятой стране, который состоялся наперекор всему и позволил в кратчайшие сроки возродить государство из руин и переломить хребет нацистской утопии, признали ... не менее опасной утопией, чем фашизм. Кстати, сведение нацистского режима к утопии – это не самая умная и дальновидная политика уже по той простой причине, что коричневая чума, которая унесла миллионы жизней, была остановлена только благодаря жертвенному подвигу нашего народа, идеалы которого мы теперь называем без сомнения утопичными... И не следует игнорировать тот факт, что эта идеологическая чума может возродиться на новом витке истории, поскольку нет гарантии, что грядущие поколения сохранят иммунитет к этой заразе. Причем, первыми увидели в этом более чем спешном социальном эксперименте только опасный утопизм именно те, кто еще недавно доказывал, что у коммунистического глобального проекта нет и не может быть альтернатив...

В-четвертых, весьма поучительна для понимания логики превращения утопии в реальность может быть реализация такого геополитического проекта, каким был, по сути, проект Еросоюза. Его «генеральный конструктор» граф Р. Куденхове-Калерги, который начал это проект в 20-х годах прошлого века, когда все считали его абсолютной утопией, уже тогда сформулировал принцип превращения утопии в стратегию. Он вполне обоснованно считал, что на идею пан-Европы неизбежно обрушатся упреки в утопичности, хотя создание пан-

Европы не противоречит, по его словам, ни одному из законов природы. Напротив, «Пан-Европа отвечает интересам преобладающего большинства европейцев, а ущерб наносится интересам незначительного меньшинства. Это небольшое, но очень сильное меньшинство, которое сегодня вершит судьбы Европы, захочет приклеить идее пан-Европы ярлык утопии. На это можно возразить, что каждое великое историческое событие начиналось как утопия, а заканчивалось как реальность».

В качестве примера Куденхове-Калерги приводит тот факт, что власть коммунистов в России казалась всем утопией – вплоть до того момента, когда их победа стала реальностью. И на этом основании он делает вывод об обратной зависимости между способностью к фантазии у политиков и их способностью к планированию. Чем ограниченной мир фантазии, тем шире кажется мир утопии и уже границы возможного: «У мировой истории больше фантазии, чем у ее марионеток, – продолжает Куденхове-Калерги, – она представляет собой цепь чередующихся неожиданных событий и осуществленных утопий. Останется ли идея утопией или станет реальностью — зависит, как правило, от количества ее приверженцев и их энергии. Пока в идею пан-Европы верят тысячи людей — это утопия, как только в нее поверят миллионы — она станет политической программой, и только когда в нее поверят сто миллионов — она станет реальностью».⁴

Но вернемся к теории Моисеева и его не менее парадоксальному видению этой проблемы, но во многом более взвешенному, учитывающему тот факт, что *и успешно осуществленный проект может оставаться утопией*. На множестве примеров он показал, как утопия превращается в стратегию, а стратегия в утопию. Причем и этот процесс нельзя читать однонаправленным. По его мнению, «любая активность человека, особенно в интеллектуальной сфере, всегда начинается с утопий». Причем он эту закономерность проектного мышления относил, прежде всего, к себе. В книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» он говорит о своих проектах как об утопиях, но особого рода, выделяя

⁴ Куденхове-Калерги Р.Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетаре, 2006. С. 13.

среди всех типов утопий «*конструктивные утопии*», опирающиеся не на логику теоретика, а на логику Природы.

По мысли Моисеева, его собственная теория – это такая же утопия, но относящаяся к разряду *конструктивных утопий*. Ее принципиальное отличие состоит в том, что при ее описании он не пытался говорить о том, как должен быть устроен будущий мир, а лишь о том, *чего нельзя делать и без чего нельзя обойтись*. При этом она будет опираться на систему эмпирических обобщений или логических следствий всей той схемы мирового эволюционного процесса, фрагменты которого и составляют историю человечества».⁵

Моисеев считал, что любые далекие прогнозы и любые схемы построения общества будущего всегда будут несостоятельны и в этом смысле утопичны, поскольку сама жизнь распорядится, как должен быть устроен мир в следующих столетиях. «И все же, - подчеркивал он, - такие утопии людям необходимы — это своеобразный катализатор для человеческой мысли и активности. По мере роста могущества цивилизации и роли разума в судьбах человечества необходимость прогностических схем, все более и более использующих данные науки, будет расти — они способны предвидеть опасности».⁶

А теперь вернемся к вопросу о том, как Моисеев относился к концепции и, соответственно, к стратегии устойчивого развития. В одной из своих работ, посвященных этой теме, он писал: «Я не стремлюсь искать замену термину «*sustainable development*» или предлагать другой перевод, который заменил бы явно неудачное «устойчивое развитие». Об этой банальной трактовке следует просто забыть. Но считаю совершенно необходимым придать термину иной смысл: устойчивое развитие — это реализация стратегии человека. Человечество в целом и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения. Это путь

⁵ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 90.

⁶ Моисеев Н.Н. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. С. 143.

непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И чем научнее выверена стратегия, тем безболезненнее кризисы».⁷

В этом рассуждении недостает, по нашему мнению, только одного звена. Сегодня отсутствует даже рабочая классификация многообразных феноменов совершенно разного генезиса из научной, политической и медийной сфер жизни, которые подводятся под модное понятие «концепция устойчивого развития». Нам действительно мешает такое размытое понимание термина, ведущее, по сути, к его обесцениванию, детерминализации. Причина сводится к одной методологической ошибке, которая заключается в преувеличенном значении той роли, которое приписывается научному сообществу в формировании концепции устойчивого развития. В действительности эта концепция принимается на совершенно иных принципах, чем научные теории. Их принимают не ученые, а политики на основании соответствующих процедур. На отдельных этапах действительно привлекается экспертное сообщество, включающее в себе наряду с экспертами «первого уровня» – специалистами, дающими заключения, например, о правовом соответствии разрабатываемых документов нормам действующего национального законодательства и международного права, о возможности их ресурсного и финансового обеспечения и т.п., участвуют и представители науки, общественности, деятели культуры...

Но на важнейших стадиях принятия решения они, как правило, не участвуют. А политики, как известно, руководствуются иными соображениями, продиктованными национальными, корпоративными, лоббистскими и иными интересами, не имеющими никакого отношения к науке, чувством партийной или групповой солидарности и, наконец, укреплением собственной «устойчивости» в системе. При этом ради согласования разнонаправленных интересов участникам процесса иногда приходится жертвовать даже логикой и системой теоретических обоснований. Этот факт, собственно, и вызывает возмущение в рядах ученых, которые отчетливо видят дефекты в обосновании

⁷ Там же.

и логике, а потому норовят «исправить концепцию», предлагая свои варианты и искренне удивляясь, что их не слышат.

Эта парадоксальная ситуация приводила Моисеева к радикальному выводу о том, что «концепция устойчивого развития – одно из опаснейших заблуждений современности, особенно в том виде, как она интерпретируется политиками и экономистами». Причина чрезвычайного риска заключена в примитивизме политической и экономической интерпретаций, в уповании на технократические способы решения глобальных проблем. В действительности человечеству еще придется пройти долгий и тернистый путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба. Но «к этому общество должно быть готово, и мы не имеем права заменять реальность упрощенными и опасными иллюзиями. Этот путь будет совсем не похож на устойчивое развитие».⁸

Не собираясь пересказывать историю становления этой концепции на политической ниве и ее предтечей в области политики и науки (а это длинная история), напомним только основные вехи ее развития. Среди организаторов политических дискуссий на международных площадках выделялся Всемирный союз охраны природы, предложивший в 1980 г. совместно с другими международными организациями «Всемирную стратегию охраны (консервации) природы», где и был выделен этот концепт. Поэтому не удивительно, что с самого начала в этой концепции рассматривались *три основных измерения мирового развития: экологическое, экономическое и социальное*, причем во главу угла ставилась экологическая проблематика.

Через эту призму рассматривались все основные глобальные проблемы, которые были и остаются содержанием политического дискурса. Среди них ограничение роста населения и бедности, поддержание качества жизни и защита глобальных экосистем, а также сбережения стратегических природных ресурсов и минимизации последствий загрязнения окружающей среды, которые приобретают угрожающий характер на фоне глобализации и экономического роста. Значительной вехой в развитии политической концепции устойчивого

⁸ Там же. С. 83.

развития и усиления «экономической доминанты» стал Доклад Всемирной Комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», в котором понятие устойчивости употреблялось уже как синоним понятию устойчивого экономического роста», поскольку именно он позволит решить проблемы бедности и загрязнения окружающей среды.

Как видим, с самого начала концепция устойчивого развития приобрела отчетливо выраженный характер поиска компромисса между ведущими странами мира, что привело к тому, что едва ли не каждая из них обзавелась собственной стратегией и программой устойчивого развития. Соответственно, на второй план ушел вопрос о том, можно ли какую-либо научную теорию выделить как основу стратегии устойчивого развития.

Сделаем промежуточные выводы из сказанного.

Во-первых, в основе концепции устойчивого развития, если, конечно, предельно схематично ее рассматривать, заложен *принцип равенства трех измерений* – экономического, социального и экологического. В этом случае мы имеем дело не с очередной глобальной утопией, а всего лишь с технологией управления глобальными рисками, которая может быть более или менее эффективной, а также с довольно развитой системой рейтинговой оценки достижений различных стран с позиций устойчивого развития.

Во-вторых, если ценность научной теории и исследовательской программы predetermined, прежде всего, ее эвристическим и эпистемологическим потенциалом, то у политической концепции, доктрины и стратегии совершенно иное назначение. Здесь все определяется ее способностью или неспособностью оптимизировать достижение политических целей и регламентировать поведение акторов политики на всех "ветвях" и "этажах" власти. А архитектура политики достаточно сложна, и на каждом «этаже» и уровне власти концепция устойчивого развития по-разному функционирует и осмысливается.

Наметившийся в последнее время заметный поворот российской политики в сторону экологии, который произошел во многом под влиянием

крупнейших ученых, и следование экологическому императиву в политике для многих оказался неожиданным. А именно о таком повороте свидетельствует возвращение к Экологической доктрине Российской Федерации. Не останавливаясь подробно на истории создания Доктрины и на пути, который прошел проект с момента зарождения идеи до стадии официального принятия документа Правительством РФ, отметим только важный для нашего доклада аспект темы: в основе Экологической доктрины лежит концепция устойчивого развития, закреплённая в соответствующих международных соглашениях и хартиях. Если открыть Доктрину, то уже в преамбуле говорится об этом.

Проект Экологической доктрины России получил одобрение на заседании Правительства Российской Федерации 27 августа 2002 г., то есть за несколько дней до начала Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (сентябрь 2002 года). Таким образом, успешно завершился, по сути, первый в отечественной истории опыт национального стратегического планирования, основная стадия которого прошла не в кабинетах чиновников и не в изоляции от общественного мнения, а в научных коллективах и неправительственных организациях, с привлечением к дискуссии всех граждан, неравнодушных к будущему родной земли. Это обстоятельство представляется особо важным, поскольку государственная экологическая доктрина – не что иное, как своеобразная лоция долгосрочного отраслевого планирования для органов власти всех уровней.

Для реализации Экологической доктрины требуется углубленная работа над региональными стратегиями и, в первую очередь, над Северной стратегией России, две трети территорий составляют северные территории. Для этой цели был организован Северный социально-экологический конгресс, который уже одиннадцать раз проводился в Москве, во многих северных городах России и в Норвегии. Наиболее значимыми были Пятый конгресс в Сыктывкаре, в рамках которого впервые в России состоялось подведение итогов Международного полярного года, и одиннадцатый конгресс, на котором были обобщены

десятилетние итоги нашей работы и намечены новые планы.⁹ Постепенно сложилась многотомная библиотека изданий конгресса.

Организаторы Северного социально-экологического конгресса согласуют свою работу с Научным советом РАН по изучению и охране природного и культурного наследия, созданного академиком Е.П. Челышем совместно с группой выдающихся ученых, в числе которых особая роль принадлежала Лихачеву.¹⁰ В рамках этого совета инициирована и осуществляется чрезвычайно перспективная программа «Цивилизационный путь России», где во главу угла поставлено междисциплинарное исследование культурно-природного синтеза, лежащего в основе развития локальных цивилизаций. Среди этих принципов особое место занимает принцип единства культурных и природных факторов в процессе становления мировых цивилизаций (культурно-исторических типов). Этот принцип важен не только для понимания специфики цивилизационного пути России как страны-цивилизации, ее всемирного значения и отношения с другими цивилизационными мирами, но и для исследования цивилизационной уникальности северных территории России и других приарктических стран.

Примечательно, что и здесь мы соприкасаемся с наследием Лихачева и Моисеева, которой рассматривал принцип Экологического императива и концепцию устойчивого развития в рамках цивилизационного подхода. Под цивилизацией он понимал «некоторую общность людей, характеризуемую определенным набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров и т.д.». Вместе с тем, он тонко чувствовал различия, существующие между различными концептуальными схемами, на основании которых мы отличаем моноцивилизационные теории, основанные на унификации мирового процесса, от теорий, описывающих локальные цивилизации. По словам Моисеева, «любому эволюционному процессу, в том числе и развитию

⁹ Предварительные итоги работы Северного социально-экологического конгресса подведены в книге: Северология: проблемное поле, методология и социально-экономические основы долгосрочного планирования». Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2016.

¹⁰ Сопредседатели совета — академики Е.П. Челышев и В.А. Черешнев

цивилизации, сопутствует и рост разнообразия форм организации жизни, в том числе и «цивилизационных разнообразий» — цивилизация никогда не была и не будет единой несмотря на объединяющую человечество технологическую общность».¹¹

В этом отношении особый интерес представляет его критика теории С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, где делается вывод о роли границ цивилизационных разломов в современной истории. Однако аргументация Хантингтона не представляется Мосееву достаточно убедительной, поскольку причины неизбежного столкновения цивилизаций лежат в гораздо более глубоких горизонтах, чем это представляется автору: «Одной из важнейших причин современных цивилизационных противостояний являются процессы модернизации и создание и распространение некоторых общепланетарных стандартов, отвечающих потребностям возникающей технологической основы цивилизации. Но постепенно эти противостояния перейдут в сферу экологии».¹² Как видим, наследие Н.Н. Моисеева столь же многогранно, как и проблемы, которые он ставил.

¹¹ Моисеев Н.Н. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. С. 92.

¹² Там же. С. 90.